

ПЕРСОНА

О встрече договорились по телефону: "Приходите к 15 часам в дирекцию". Зайдя во дворик музея, дергаю дверную ручку подъезда. Закрыто. "Вы куда?" — спрашивает женский голос из окна первого этажа. "К Никите Владимировичу". — "Его нет". Вспомнилась фраза из книги Валерия Золотухина "Секрет Высоцкого" — "Потерялся Владимир Высоцкий — удрал в Новосибирск". Была у него такая черта характера — спонтанно, на несколько часов улетать в другой конец страны. "Может, и сын такой же", — подумалось мне. "Уточните", — прошу я. Вскоре вышла секретарь. "Вас ждут". В кабинете прохладно. На столе — пачка "Золотой Явы". И новая книга Карапетына "Владимир Высоцкий".

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ

"ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА"

— **Никита Владимирович, вы росли хулиганом, как отец?**

— Нет, но, конечно, шалил — я все-таки мальчик, а не девочка. Но я неплохо учился, занимался спортом. Люблю быть в команде. Баскетбол — это команда. Я пробовал заниматься боксом, фехтованием, легкой атлетикой, тройным прыжком, бегом. Но предпочел баскетбол. Это же общение, борьба за лидерство внутри коллектива. Наверное, это мое.

— **Поэтому пошли в армию?**

— Было стыдно "косить". Это основная причина. Я закончил школу-студию МХАТ и меня одного с курса брали в театр, у меня уже были две картины в работе. И жена на седьмом месяце. В тот момент в армию было глупо уходить, и мне объяснили, что надо делать, что говорить — где и как болит, — когда за мной приедет "скорая помощь". Но мне было уже 22 года, и стало неловко, что я, здоровый человек, окажусь среди действительно больных людей.

— **В армии знали, чей вы сын?**

— Конечно. Примерно то же произошло после школы, когда я работал на заводе, на конвейере. Первое, что мне сказал мастер участка: "Ты сын Высоцкого, ты можешь вообще ничего не делать. Мы будем только смотреть на тебя". И поставили за станок, выполнять только одну операцию. Через пять минут этот же мастер запустил в меня мотором, который сгорел по моей вине, — чуть не убил. Я еле увернулся, и был лишен денег за мотор. Так что период повышенного внимания закончился очень быстро. У меня в военном билете написано: "Профессия — актер драмы и кино". И в армии меня пьяные прапорщики поднимали среди ночи, просили "прикинуться" (изобразить что-нибудь) в первые месяцы службы.

— **У вас была мечта, что вы станете...**

— Когда я был маленьким, хотел быть артистом, хотя никому не говорил до смерти отца. Я любил театр. Не в смысле работы, а как зритель-потребитель. Я любил театр, который заменял религию, формировал мировоззрение. Сейчас такого театра нет. И часть моей души сместилась в другую сферу. Раньше я мечтал о том, что такой театр есть у Анатолия Васильева или у Виктюка — был очень увлечен тем, что он делал в "Современнике". Если можно так сказать, "Виктюк до "Служанок".

Но я никогда и не помышлял даже ни о чем, кроме актерства. Мама — Людмила Владимировна Абрамова — актриса. Мой любимый театр — Театр на Таганке, куда водил меня отец. Я видел и "изнанку"

актерской жизни, и парадную ее часть. Но родители не агитировали меня стать артистом. Дома очень удивились, когда я выбрал театральный вуз. Старший брат, Аркадий, до сих пор считает это большой ошибкой.

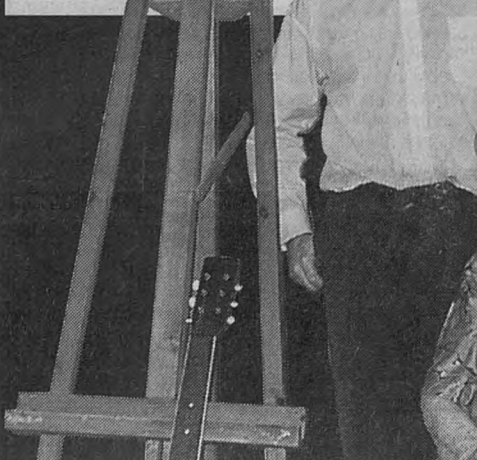
— **Для поступления в школу-студию МХАТ вам нужно было исправить дикцию?**

— Да, это моя заводская история. Я не разговариваю, как Ваня Охлобыстин, что не помешало ему стать артистом. Я считал, что дефект речи — это в порядке вещей, и это моя органика. Во МХАТе после прослушивания меня попросили остаться. Преподаватель сценической речи сказал: "Ты о чем думаешь, у тебя совесть есть? Понятно, что тебя не могут не взять. Здесь учился и твой отец". И тогда я пошел к логопеду. А там одни дети лет трех-четырех исправляют дикцию, и полковник, который тоже картавил. В армии-то команды "кругом!", "шагом марш!" — тоже хорошее "р" нужно произносить. И мы, на детских стульчиках, вместе с полковником и логопедом быстро "выправили дефект". И когда я приходил на работу и говорил "здр-р-равствуйте!", весь цех хором отвечал мне в этой же манере.

— **И вы поступили?**

— Да, я подавал заявление во все театральные вузы, и меня всюду приняли, несмотря на мое грасирующее "р". До определенного тура можно было поступать не под своей фамилией, что я и делал. Это придавало мне уверенности. В школу-студию МХАТ я поступил со второго захода, на курс Олега Ефремова.

— **О нем наверняка есть что рассказать?**

Никита
ВЫСОЦКИЙ:

"От отца мне достались жизнь, гены, внешнее сходство"

— Фактически нашими руководителями были Андрей Мягков и Алла Покровская. А Олег Николаевич был для нас богом. Он откуда-то спускался, приходил на репетиции по мастерству, вел разговоры о системе Станиславского. Ефремов был необыкновенно обаятелен. Непревзойденный мастер "мхатовской паузы" — начинал что-то говорить, вынимал сигарету, разминая ее. Он мог закуривать минуты две, когда уже думаешь, что он забыл то, что хотел сказать. И вдруг очень точно включался в разговор, потом снова мог неожиданно задуматься. А его знаменитая сигарета, с истлевшим до фильтра пепельным столбиком, который он умело и очень аккуратно, почти как Янковский свечку в фильме "Ностальгия", доносил до пепельницы. Я не помню, чтобы пепел его сигареты упал мимо.

— **Говорят, отец вас водил знакомиться к Юрию Никулину.**

— Мне было лет семь, когда отец меня с ним познакомил. И для меня, ребенка, Никулин был гораздо большей фигурой, чем отец. Он клоун! В цирке! Сначала я сидел и ликовал в зале, а потом отец повел меня за кулисы. И начал разговаривать с Юрием Владимировичем на "ты". От ужаса я дергал его за рукав, не в силах сказать: "Папа, что ты себе позволяешь?". А работники цирка, наоборот, пришли посмотреть на Владимира Высоцкого. Юрий Никулин и его напарник, Михаил Шуйдин, подписали мне программку.

— **Отец брал вас на съемки?**

— Нет, я был на его концертах — дважды: когда он записывался дома с музыкантами, а в другой раз он записывал для кого-то кассету. Однажды записал меня, объяснив, что мы с ним редко видимся, и он хотел бы чаще слышать мой голос. А когда он жил в Матвеевском, у друзей, мне было лет 12, он очень много спел для меня, с рассказами и объяснениями, причем репертуар был гораздо шире, чем на концерте.

— **Когда родители расстались, как сложились ваши отношения с отчимом Юрием Овчаренко?**

— Очень хорошо. Он хороший человек, а то, что с мамой у них не сложились отношения, — это их личное. Он был нам с Аркадием близким человеком, и, думаю, что он и к нам хорошо относился. Но — не из актерской среды, просто инженер. Мы не виделись несколько лет, но я не испытываю от этого дискомфорта. Это жизнь.

— **Вы носили в школе другую фамилию — Абрамов, по матери.**

— Да, было странно, когда все вокруг показывало пальцем и говорят — вон идет сын Высоцкого, а ходит под другой фамилией. Когда я стал постарше, ко мне начали приставать — достань билет, принеси пластинку...

— **Ваши первые роли в театре, кино...**

— Придя из армии, я играл главную роль в спектакле "Седьмой подвиг Геракла" по пьесе Михаила Роцина в существовавшем тогда студенческом театре "Современник-2". Это был хит. За один сезон мы сыграли более ста раз, и не только в Москве. У нас был свой фэн-клуб. Его фанаты носили нам покрывать во время ночных репетиций, таскали нам декорации... Любимая же роль в спектакле по мотивам "Тьмы" Леонида Андреева и "Братьев Карамазовых" Федора Достоевского. Его поставил мой товарищ. Я играл революционера, который попадает в публичный дом, спасаясь от полиции, и проводит ночь с проституткой. Спектакль пришел смотреть Роман Виктюк. И он не то что похвалил, а сказал в такой форме, что я почувствовал себя с ним на равных. Изначно лавируя между шутками, шуточками, заметил мне: "По-актерски верно работаешь". Да и остальных исполнителей осыпал еще более щедрыми комплиментами. Я точно запомнил фразу Виктюка: "Никита, в этой роли вы начинаете раскрываться".

Говоря о кино... у меня сыграно семь главных ролей, плюс эпизоды. Но в отличие от театра в кино у меня не было пока таких интересных работ. А так я занимаюсь музейной работой.

— **Вы — творческий человек, работа директора Музея Высоцкого вас не тяготит?**

— Уже 6 лет я занимаю эту должность и поначалу думал, что к 65-летию отца займусь другим делом. Но сейчас понимаю, что работа меня затягивает. Я не предполагал, что могу радоваться отремонтированной части здания музея. У меня сейчас пограничная ситуация — надо принимать решение. Или музейно-организационно-продюсерские дела, или работать в коллективе театра. Раньше я думал, что однозначно уйду и буду заниматься театром, кино, телевидением. А сейчас... Через год мне уже 40 лет, и начинать новую жизнь довольно сложно.

— **Голос у вас хороший. Вы не поете?**

— Нет, нет. Только после рюмки, возле костра! Мне Валерий Сергеевич Золотухин все время говорит: "Что ты врешь, что у тебя нет слуха?". Наверное, он прав. Я могу взять ноту, я учился вокалу, пел под рояль романсы. Но Золотухин поет не потому, что голос поставлен, а потому, что душа поет, и он это чувствует, так же чувствовал и Высоцкий. Я считаю, петь должна душа, если не дух.

— **Курите давно?**

— Лет с шестнадцати.

— **А с Бахусом какие отношения?**

— Не люблю об этом говорить. Ну, отношения... Не люблю говорить о пьянстве, о женщинах и о деньгах.

— **А об автомобилях?**

— Я считаю, что прекрасно вожу машину, но плохо разбираюсь, как ее починить. Мне очень дано что-то открутить, завинтить, хорошо гвоздь забить. Все мужчины "западают" на автомобили, любят разгоняться и материть тех, кто плохо водит. Если мне предстоит ехать километров 300—400 от Москвы, я просто отдыхаю за рулем, меня отпускает мое напряжение, нервы, я успокаиваюсь.

— **Это от отца?**

— К автомобилям и хорошим вещам у него было особое отношение, впрочем, как и у моих дедушки и бабушки. После смерти отца, разбирая его вещи, мы удивились количеству обуви, маек, джинсов, курток — и он все носил. Так же он относился к машинам, он их ценил. Был у него спортивный "Мерседес". Он всем его показывал, буквально сияя от радости, и ожидал такой же реакции от людей, замечал, что даже у Брежнева такого нет. Рад был тому, как машина ведет себя на дороге. Он катал меня в ней и однажды, видя мою слабо выраженную радость, отпустил руль.

Поехал вдоль набережной со скоростью километров 80, при этом обеими руками ковыряясь между сиденьями. Я говорю ему: "Папа, держи руль". Он осторожно снова взялся за руль и с улыбкой произнес: "Я тебе говорю — это удивительная машина, в ней автопилот. Светофор будет — она остановится. Она едет — сама рулит". Потом в Германии я спрашивал лет через десять, были ли такие машины, на что мне ответили: "Никита, ты с ума сошел. Никто таких машин не делает, ни тогда, ни сейчас. Какой автопилот, что ты придумываешь?". Но я же видел, сидя рядом с отцом, что он совсем не держался за руль. Он убедил меня — автопилот с автопилотом! Машина отца всегда была чистой, а один раз поклонники что-то нацарапали на капоте гвоздем. Попались они ему на глаза, он бы их разорвал на куски! Он не был жадным человеком, просто его возмutilo то, что полированная поверхность была обезображена...

Еще была история с джинсами, которые он мне привез, а они оказались мне узки. И папа уверенным голосом учил меня надевать джинсы: "Ты не понимаешь: надень и ляг в ванну с водой в штанах. Они растянутся". Мама сказала: "Володя, ты же видишь, они даже не сходятся на ребенке". Он: "Я тебе сейчас покажу, как носят джинсы", — лег на спину, и начал их застегивать. И начал расхваливать джинсы: "Ты понимаешь, есть такая реклама: падает сверху рабочий и цепляется штрипкой от джинсов за часы на небоскребе, и висит, пока не приезжают спасатели. Джинсы жизнь человеку спасли!".

— **А что любил слушать ваш отец?**

— У него было много пластинок. Мы даже в музее хотели сделать их выставку. Он собирал кантри, джаз, много негритянской музыки. Не знаю, когда он все это слушал, но все диски были распечатаны. Было у него несколько дисков "Пинк Флойд", много классики...

Помнится, папа завелся, когда мы с братом пришли просить билеты на "Бони-М". Стал кричать: "Вы что, этих групп двести штук в день рождается и столько же умирает! Что вы слушаете?" И поставил пластинку "Битлз". Аппаратура у него была хорошая — пришло его напору уступить!

— **Вы часто даете интервью?**

— Став директором музея, часто. Именно в связи с отцом. Раньше я, наоборот, бежал, если меня спрашивали, говорил, что не хочу об этом высказываться. Я — фигура гораздо менее заметная, чем отец. Но теперь положение обязывает...

Беседовал Андрей ШАРУНОВ.